

Произведения
Исаака Башевиса Зингера,
опубликованные в издательстве
«Азбука»

Шоша
Враги. История любви

Исаак Башевис
ЗИНГЕР

**ВРАГИ.
ИСТОРИЯ
ЛЮБВИ**

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
3 63

Isaak Bashevis Singer
ENEMIES, A LOVE STORY
Copyright © Isaac Bashevis Singer, 1966
All rights reserved

Перевод с английского Александры Глебовской
Оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

ISBN 978-5-389-31602-7

© А. В. Глебовская, перевод, 2026
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Примечание автора

Хотя я и был лишен привилегии пережить гитлеровский холокост, я много лет общался в Нью-Йорке с теми, на чью долю выпало это испытание. Посему спешу сообщить, что роман этот — никакая не история типичного беженца, его жизни и переживаний. В этой книге, как и почти во всех моих художественных произведениях, представлен исключительный случай, где уникальны и персонажи, и ход событий. Ее герои — не только жертвы нацизма, но и жертвы собственных характеров и судеб. Если они и встраиваются в общую картину, то лишь потому, что любое исключение подтверждает правило. Строго говоря, в литературе исключение и есть правило.

Впервые этот роман был опубликован в 1966 году на идише в еврейской ежедневной газете «Вперед».

И. Б. З.

Глава первая

1

Герман Бродер перевернулся с боку на бок и открыл один глаз. Все еще не до конца проснувшись, он пытался сообразить, где он — в Америке, в Цевкуве или в немецком лагере. На миг даже показалось, что он прячется на сеновале в Липске. Порой все эти места сливались в его сознании воедино. Он знал, что находится в Бруклине, но слышал крики нацистов. Они тыкали в сено штыками, а он лишь зарывался глубже. Клинок штыка коснулся его головы.

Чтобы полностью проснуться, нужно было совершить над собой усилие. «Довольно!» — сказал Герман самому себе и сел в постели. Стояло позднее утро. Ядвига уже давно оделась. Он увидел собственное отражение в зеркале напротив кровати — осунувшееся лицо, немногочисленные сохранившиеся прядки, когда-то рыжие, теперь желтоватые с проседью. Голубые глаза — взгляд одновременно и пронизательный, и мягкий, кустистые брови, узкий нос, впалые щеки, тонкие губы.

Герман всегда просыпался встрепаным и расхристанным, как будто всю ночь с кем-то боролся. В то утро, помимо прочего, он обнаружил на лбу темный синяк. Дотронулся до него. «Что это?» — спросил он себя. Может, след от того приснившегося штыка? Мысль эта вызвала улыбку. Скорее всего, он ударился об угол двери шкафа, когда ходил ночью в уборную.

— Ядвига! — окликнул он сонно.

Ядвига возникла в дверном проеме. Розовощекая полячка с курносом носом и светлыми глазами; льняного цвета волосы собраны сзади в узел и сколоты одной шпилькой. У нее были высокие скулы и полная нижняя губа. В одной руке она держала метлу, в другой леечку. На ней было платье с узором из красных и зеленых квадратов — для этой страны необычным, на ногах поношенные домашние туфли.

После войны Ядвига год провела вместе с Германом в немецком лагере, в Америке прожила уже три года, но сохранила неискренность и застенчивость польской деревенской девушки. Косметикой не пользовалась. По-английски выучила лишь несколько слов. Герману даже казалось, что на ее теле сохранились запахи Липска — в постели от нее пахло ромашкой. Из кухни тянуло вареной свеклой, молодой картошкой, укропом и чем-то еще — земляным и летним; чем именно, Герман сообразить не мог, но этот аромат воскрешал воспоминания о Липске.

Ядвига посмотрела на него с добродушным упрямом и покачала головой.

— Как ты заспался, — сказала она. — Я белье перестирала, по магазинам сходила. Сама позавтракала, но могу позавтракать и еще раз.

Ядвига говорила на деревенском польском. Герман отвечал ей по-польски, а иногда на идише, которого она не понимала; в речь свою он специально вставлял цитаты из Торы на священном языке, а иногда, под настроение, фразы из Талмуда. Она неизменно его слушала.

— Который час, шикса?¹ — спросил он.

— Почти десять.

— Ладно, буду одеваться.

— Чаю выпьешь?

— Нет, не надо.

— Босиком не ходи. Сейчас туфли принесу.

Я их начистила.

— Опять начистила? Кто чистит домашние туфли?

— Они ж пересохли.

Герман передернул плечами:

— И чем ты их чистила? Дегтем? Как липской крестьянкой была, так и осталась.

Ядвига подошла к одежному шкафу, вытащила его халат и домашние туфли.

---

¹ На идише это слово обозначает девушку или женщину-нееврейку и имеет пренебрежительный оттенок. — *Здесь и далее примеч. ред.*

Она была его женой, соседи называли ее миссис Бродер, но с мужем она по-прежнему вела себя так же, как в былые времена в Цевкуве, когда находилась в услужении у его отца реб Шмуэля-Лейба Бродера. Вся семья Германа сгинула в холокосте. Сам он уцелел, потому что Ядвига спрятала его на сеновале в своем родном Липске. О тайнике не знала даже ее собственная мать. В 1945-м, после освобождения, Герман услышал от очевидца, что его жену Тамару расстреляли, а детей у нее забрали и уничтожили. Они с Ядвигой отправились в Германию, в лагерь для перемещенных лиц, а позднее, получив американскую визу, он вступил с ней в гражданский светский брак. Ядвига готова была принять еврейскую веру, но он не считал нужным обременять ее религией, обряды которой и сам давно не соблюдал.

Медленный, полный опасностей путь в Германию, путешествие по морю в Галифакс, поездка на автобусе в Нью-Йорк так ошарашили Ядвигу, что она до сих пор боялась одна ездить в метро. От дома, где жила, она никогда не удалялась дальше чем на несколько кварталов. Да у нее и не было в том нужды. На Мермейд-авеню продавали все необходимое — хлеб, фрукты, зелень, кошерное мясо (свинины Герман не ел); иногда Ядвига приобретала платье или пару обуви.

В те дни, когда Герман оставался дома, они с Ядвигой иногда шли вместе погулять по набережной. Он постоянно ей напоминал, что нет нужды

так за него цепляться, никуда он от нее не убежит, — но Ядвига крепко держала его за локоть. Ее оглушали шум и гам, перед глазами все тряслось и вибрировало. Соседи приглашали ее съездить с ними на пляж, но после перехода через океан Ядвига страшно его боялась. От одного вида плещущих волн ее начинало мутить.

Иногда Герман возил Ядвигу в кафетерий на Брайтон-Бич, но она никак не могла привыкнуть к поездам, которые с оглушительным ревом мчались по линии L, к визгу автомобилей, снующих туда-сюда, к толпам людей на улицах. Герман купил ей медальон, в котором лежал клочок бумаги, а на нем были написаны ее имя и адрес на случай, если она потеряется, но и это Ядвигу не утешало: она не верила ни во что письменное.

Перемены в жизни Ядвиги представлялись высшей справедливостью. До того Герман полностью зависел от нее на протяжении трех лет. Она приносила ему на сеновал еду и воду, выносила помои. Если ее сестра Марьяна собиралась слезать за сеном, Ядвига первой карабкалась по лестнице и приказывала Герману зарыться поглубже — в нору, которую он себе там обустроил. Летом, когда заготавливали свежее сено, Ядвига прятала Германа в погребке. Она подвергала опасности мать и сестру: если бы нацисты узнали, что у них в сарае скрывается еврей, расстреляли бы всех трех женщин, а возможно, сожгли бы и всю деревню.

Теперь Ядвига проживала на одном из верхних этажей многоквартирного дома в Бруклине. У нее имелись две роскошные комнаты, прихожая, ванная, кухня с холодильником, газовой плитой, электричество и даже телефон, по которому Герман ей звонил, когда уезжал по делам — продавать книги. Ему случалось оказаться очень далеко, но голос его оставался с ней рядом. Иногда, в хорошем настроении, он пел по телефону ее любимую песенку:

Если родится у нас сынок,
Слава тебе, Господь!
Ты б с колыбелькою нам помог,
Слава тебе, Господь!
В снегу посреди двора
Прорыта большая дыра,
Спи там, сыночек, не замерзай,
А мы споем тебе баю-бай.

Если родится у нас сынок,
Милостив будь, Господь!
Ты б спеленать его нам помог,
Милостив будь, Господь!
В твой фартук двойной,
В мой шарф шерстяной
Сыночка мы с тобой завернем,
И холод будет ему нипочем¹.

Песенка оставалась лишь песенкой: Герман следил, чтобы Ядвига не забеременела. В мире, где детей отбирают у матери и расстреливают, нет у человека права заводить новых. Что касается

---

¹ Перевод с идиша А. Глебовской.

Ядвиги, квартира, куда ее поселил Герман, заменяла ей детей. Она напоминала ей заколдованный дворец из сказок, которые рассказывали деревенские старухи, когда пряли лен или щипали пух на подушки. Нажала кнопку на стене — стало светло. Из кранов течет горячая и холодная вода. Повернула ручку — вспыхнул огонь, на котором можно готовить. Есть ванна, купайся хоть каждый день, и никаких тебе блох и вшей. А радио! Утром и вечером Герман настраивал его на станцию, вещавшую по-польски, и комнату наполняли польские песни, польки, мазурки, по воскресеньям священник читал проповедь, можно было послушать новости из Польши, оказавшейся в руках у большевиков.

Ядвига грамоты не знала, Герман составлял за нее письма матери и сестре. Когда приходил ответ, написанный рукой деревенского учителя, Герман читал его жене. Иногда Марьяна вкладывала в конверт зернышко, сучок яблони с листиком или цветочек — привет из Липска в недостижимую Америку.

Да, в этой далекой стране Герман был Ядвиге мужем, братом, отцом, Богом. Она полюбила Германа, еще когда служила у его отца в доме. Живя с ним на чужбине, она поняла, что совершенно правильно оценивала его ум и деловую хватку. Он чего только не умел — ездить на поездах и автобусах, читать книги и газеты, зарабатывать деньги. Если ей что-то требовалось в хозяйстве, достаточно было ему сказать — и он сразу все

приносил сам или присылал с курьером. Ядвига, как он ее научил, подписывала свое имя тремя кружочками.

Однажды, 17 мая, в день ее именин, Герман принес двух попугайчиков: желтенького самца и синенькую самочку. Ядвига назвала их Войтушем и Марьяной, в честь любимых отца и сестры. С матерью отношения у нее всегда были натянутые. Когда отец умер, мать снова вышла замуж, а отчим поколачивал падчериц. Из-за него Ядвиге пришлось уйти в услужение к евреям.

Если бы Герман почаще оставался дома или хотя бы всегда приходил ночевать, Ядвига считала бы себя совершенно счастливой. Но он зарабатывал тем, что колесил по стране и продавал книги. Когда он уезжал, Ядвига запирала дверь на цепочку — от грабителей и докучных соседей. Старухи, жившие в том же доме, разговаривали с ней на смеси русского, английского и идиша. Лезли в ее дела, интересовались, откуда она родом, чем занимается ее муж. Герман предупредил: говори им как можно меньше. Научил произносить по-английски: «Простите, мне сейчас некогда».

2

Пока наливалась ванна, Герман брился. Борода у него росла быстро. Лицо за ночь делалось колючим, как терка. Он стоял перед зеркалом ап-

течного шкафчика — тщедушный, немного выше среднего роста, на тощей груди кустики волос, будто на диване или кресле с продранной обшивкой. Ел он сколько влезет, но веса не набирал. Из-под кожи выпирали ребра, под ключицами зияли провалы. Кадык двигался вверх-вниз, будто по собственной воле. Вид у Германа был всегда утомленный. Он стоял, а в голове роились фантазии. Нацисты снова пришли к власти и оккупировали Нью-Йорк. Герман прячется от них здесь, в ванной. Ядвига заштукатурила и закрasila дверь, чтобы она сливалась со стеной.

«Где я буду сидеть? Здесь, на унитазе. Спать можно в ванне. Нет, коротковата». Герман рассмотрел кафельный пол, прикидывая, хватит ли места вытянуться во весь рост. Даже если лечь по диагонали, придется подтягивать колени. Ну, здесь хотя бы есть свет и воздух. Окно ванной выходило в небольшой дворик.

Герман начал подсчитывать, сколько еды должна будет ему ежедневно приносить Ядвига, чтобы он выжил: две-три картофелины, ломоть хлеба, кусочек сыра, ложку подсолнечного масла, время от времени витаминную таблетку. Стоить это будет не больше доллара в неделю — максимум полтора. Он запасется книгами, писчей бумагой. По сравнению с сеновалом в Липске просто роскошь. Под рукой он будет держать заряженный револьвер, а может, даже и пулемет. Когда нацисты обнаружат укрытие и придут его

арестовывать, он встретит их очередь, а последнюю пулю оставит себе.

Ванна наполнилась почти до краев; вокруг за клубился пар. Герман поспешно завернул оба крапа. Грезы в последнее время приобрели навязчивый характер.

Едва он залез в ванну, Ядвига открыла дверь.

— Вот, держи мыло.

— У меня еще остался кусочек.

— Это душистое. Понюхай. Три куса за десять центов.

Ядвига сама понюхала брусок мыла, потом протянула мужу. Ладони у нее остались шершавыми, крестьянскими. В Липске она выполняла мужскую работу. Сеяла, косила, молотила, сажала картошку, даже пилила и колола дрова. Бруклинские соседки постоянно дарили ей всякие лосьоны для смягчения кожи, но руки оставались мозолистыми, как у батрака. Икры у нее были мускулистыми, твердыми как камень. Все остальные части тела — женственными, гладкими. Груды — полными и белыми, бедра — округлыми. Выглядела она моложе своих тридцати трех лет.

С рассвета и до отхода ко сну Ядвига не отдыхала ни секунды. Всегда находила себе дело. Квартира их располагалась неподалеку от океана, но в открытые окна все равно приносило пыль, поэтому Ядвига весь день мыла, скребла, натирала и драила. Герман вспоминал, как его мать когда-то хвалила ее за трудолюбие.

— Давай я тебя намылю, — предложила Ядвига.

На самом деле ему хотелось побыть одному. Он еще не до конца придумал, как будет здесь, в Бруклине, прятаться от нацистов. Например, окно придется замаскировать, чтобы немцы его не заметили. Но как?

Ядвига стала намыливать ему спину, предплечья, ягодицы. Он отвалил ее от желания завести детей, и теперь она держала его за ребенка. Ласкала, играла с ним. Каждый раз, когда он уезжал, она боялась, что он не вернется — заплутает на просторах этой огромной Америки. Каждое его возвращение она воспринимала как чудо. Сегодня Ядвига знала, что он едет в Филадельфию и останется там на ночь — но они хотя бы позавтракают вместе.

Из кухни плыл аромат кофе и испекшегося хлеба. Ядвига научилась делать рогалики с маком, какие когда-то пекли в Цевкуве. Она баловала мужа всевозможными лакомствами, готовила его любимые блюда: клецки, шарики из мацы к борщу, перловку на молоке, кашу с мясной подливой.

Каждое утро его ждали отглаженная рубашка, исподнее, носки. Ядвига стремилась делать для него очень много, ему же требовалось очень мало. В отлучке он проводил больше времени, чем дома. Ее же не покидала жгучая потребность с ним разговаривать.

- Когда поезд уходит? — спросила она.
- Что? В два.
- Ты вчера сказал в три.
- Сразу после двух.
- А где этот город?
- Ты про Филадельфию? В Америке. Где еще ему быть?
- Далеко?
- От Липска далеко, отсюда несколько часов на поезде.
- Откуда ты знаешь, что там захотят купить твои книги?
- Герман задумался.
- А я и не знаю. Пытаюсь искать покупателей.
- А чего ты здесь не продаешь? Здесь же куча народу.
- Ты имеешь в виду на Кони-Айленде? Сюда приезжают есть попкорн, а не читать книги.
- Что это за книги?
- Да самые разные: как строить мосты, как похудеть, как управлять государством. Есть книги с песнями, сказками, пьесами, есть биография Гитлера...
- Лицо Ядвиги посерьезнело.
- Про эту свинью пишут книги?
- Про всех свиней пишут книги.
- Да уж. — И Ядвига ушла на кухню.
- Герман вскоре за ней последовал.

Ядвига открыла дверцу клетки, выпустила попугаев полетать по комнате. Желтенький Войтуш уселся Герману на плечо. Он любил поклевывать хозяину мочку уха и собирать крошки у него с губы или кончика языка. Ядвига удивилась, насколько моложе, свежее и счастливее Герман выглядит, приняв ванну и побрившись.

Она поставила на стол горячие булочки, черный каравай, омлет и кофе со сливками. Старалась кормить мужа как следует, но ел он плохо. Откусил кусок булочки, отложил ее в сторону. Омлет только попробовал. Да, желудок у него сжался в годы войны, но Ядвига помнила, что он всегда ел очень умеренно. Мать его каждый раз с ним препиралась на этот счет, когда он приезжал домой из Варшавы, где учился в университете.

Ядвига озабоченно покачала головой. Герман глотал, не жуя. До двух еще оставалась куча времени, но он все время поглядывал на часы. Сидел на кончике стула, будто готовый вскочить в любой момент. Взгляд был устремлен куда-то за стену.

Потом он вдруг встряхнулся и сказал:

— Ужинать я сегодня буду в Филадельфии.

— С кем? Один?

Он заговорил с Ядвигой на идише:

— Один. То есть это ты так думаешь. Я буду ужинать с царицей Савской! Я такой же книгопродавец, как ты — жена папы римского. Этот прощельяга-рабби, на которого я работаю... но не

будь его, мы бы с тобой подышали с голоду. А эта женщина из Бронкса — вообще настоящий сфинкс. Сам удивляюсь, как вы трое до сих пор не свели меня с ума. Пиф-паф!

— Говори, чтобы я понимала!

— А что ты хочешь понять? «Во многих мудрости много печали», — рек Екклесиаст. Истина еще всплывет — не сейчас, так в будущей жизни, при условии, что от наших чахленьких душ хоть что-то останется. Если нет, придется обойтись без истины...

— Еще кофе?

— Да, еще кофе.

— Что там в газете пишут?

— Пишут, что мир заключили, но это ненадолго. Скоро эти буйволы опять полезут на рожон. Им никогда не надоедает.

— Где полезут?

— В Корею, в Китае... повсюду.

— По радио говорят, что Гитлер жив.

— Даже если один Гитлер помер, еще миллион метит на его место.

Ядвига помолчала. Оперлась на метлу. Потом сказала:

— Соседка — которая с седыми волосами и живет на первом этаже — говорит, что я могу зарабатывать двадцать пять долларов в неделю на фабрике.

— Хочешь пойти работать?

Зингер И. Б.

З 63 Враги. История любви : роман / Исаак Башевис Зингер ; пер. с англ. А. Глебовской. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 352 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-31602-7

Герману Бродеру чудом удалось спастись во время Второй мировой. Польская крестьянка Ядвига, бывшая служанка в доме у Германа, несколько лет прятала его на чердаке. После окончания войны Герман, узнав, что его жену и детей расстреляли немцы, вместе с Ядвигой эмигрировал в Америку и взял ее в жены. Теперь он живет в еврейском квартале Нью-Йорка, занимается писательством и встречается с любовницей, также чудом пережившей холокост. С каждым днем Герман все больше запутывается в своих воспоминаниях и любовных отношениях, все хуже ориентируется в окружающей действительности. Высшие силы словно вознамерились довести этого человека до последней черты... И прошлое, которое, казалось бы, исчезло навсегда, вновь возвращается к жизни.

Роман «Враги. История любви» — одно из самых известных произведений Исаака Башевиса Зингера (1902–1991), автора романа «Шоша», лауреата Нобелевской премии по литературе за «эмоциональное искусство повествования». В настоящем издании роман впервые выходит в блестящем переводе с английского Александры Глебовской.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ИСААК БАШЕВИС ЗИНГЕР

ВРАГИ. ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Ольга Попова, Ирина Игнатьева

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 14.05.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 21,56. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» – обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШК – АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШК филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Рейсде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-BRN-40862-01-R